

Мелания Момот

ММ – Как раз, как началось раскулачивание, - знаете, в 1929-30-м годах? - в 1931-м много повымирало, много... И мы были пухлые; и если бы нас не выкрали, то мы бы умерли, знаете? Очень много пережили, очень много... Даже невозможно все вспомнить. Мне даже не верится, что я до сих пор дожила.

Нас раскулачили. Раскулачили мамину семью в 1928-м году. Двух ее братиков забрали в Мелитопольскую тюрьму и там расстреляли - дядю Павла и дядю Грицька, а нас раскулачили в 1930-м году. Их - в 1928-м, нас - в 1930-м. А в 1929-м году, 12 февраля, упокоилась моя мама и оставила нас пять сироток, девочек. Самой старшей - 13 лет, самой младшей - 5 месяцев. А мне тогда было 11 лет и 11 дней.

Все вынесли из дома и продали, - кто больше там, а то забрали в колхоз, знаете? А мы - остались без ничего и опухли. А тогда та, что была нашей мамой уже, второй, знаете? У нее муж умер... Так она нас спасла. Принесет нам немножко чего-то, даст нам поесть, и говорила, что много нельзя, нельзя, потому что мы... это... опухшие, должны отойти. И правда - она нас спасла. Её звали Даша, Дарья.

- *Вы видели, как люди умирали от голода?*

ММ – Да, да, да!

- *И хоронили?*

ММ – Вы знаете, что их некому было хоронить? Умирали за нашими огородами. Вот тут - скирды колхозные, а тут - кладбище. Знаете, прямо тащили их за руки... Тащат человека, который умер, опух с голоду, умер. А мы так: тут - переулок, тут - колхоз, а тут - наша хата. Если кто умрет от голода, то тащат его, бедненького, извините, что так говорю... Нет, не везут, потому что не на чем - всё позабирали в колхоз. И тащат в тот переулок, на кладбище, - тащат за руки, или за ноги тащат.